

ДБ
30
А-85

В

тическая Федеративная Советская Республика.

олетарии всех стран, соединяйтесь!"

№ 2. Речи и беседы пропагандиста. № 2.

ДБ
30

А 85

УРАЛ
Р. АРСКИЙ.

УРАЛ.

БЕ.

561.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Москва.—1920.

Срок возврата
книги:

~~Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика~~

~~„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“~~

№ 2. Речи и беседы пропагандиста. № 2.

ДБ-Урал
30

A 85

Р. АРЕКИИ.

388

A. 85

У Р А Л.

ОБЪЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва.—1920.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
АГЕНТСТВО
БЕ
ИНСТРУМЕНТА

БИБЛИОТЕКА
КОМУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

38

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

529795

↓
ell

I. Урал до революции.

Завоевание Урала Красной армией открывает новые перспективы перед нашей промышленностью и дает возможность широко использовать этот крайне важный и богатый район.

Урал имеет серьезное значение не только для настоящего момента, когда не может работать полностью второй важный центр металлургической промышленности—Донецкий бассейн, но и для будущего.

Урал богат золотом, платиной, драгоценными камнями, железной и медной рудой, и это делает его важным центром промышленности.

При капиталистических отношениях разработка его производилась крайне неудовлетворительно, и часто носила хищнический характер. Предприниматели старались получить по возможности больше, не считаясь совершенно с тем, как это отзовется на общем положении Урала и его промышленности в будущем.

Они не умели использовать огромных природных богатств Урала, и его стала отодвигать на задний план угольная и металлургическая промышленность, развившаяся на Юге.

Между тем Урал очень богат: там имеются руды с содержанием железа в 50—60%, много леса, масса рек и потоков, которые можно было бы использовать в виде двигательной силы. Шлюзование одной Чусовой, по мнению специалистов, могло бы дать свыше 300 тысяч лошадиных сил, т.-е. почти столько же, сколько потребляла вся русская металлургия в 1910—1912 г. На Урале имеются богатейшие запасы торфа, крайне ценного для работы заводов, имеются медь, золото, платина и пр., и тем не менее Урал в течение последних десятилетий влачил жалкое существование: доходность его заводов и предприятий была ниже доходности южных заводов, многие предприятия затагивали платежи рабочим и т. п.

Большинство заводов в промышленном и техническом отношении сильно отстало от современных требований, некоторые из них могли существовать только благодаря чрезвычайно высокой эксплуатации труда рабочих.

Лет пятьдесят—шестьдесят тому назад уральские, промышленники, особенно металлурги, были монополистами на

русском рынке. Они диктовали свои цены всем потребителям; доходность предприятий была весьма высока, напр., на некоторых предприятиях доходность достигала 150—170% на основной капитал. Получая такие огромные доходы, промышленники Урала относились крайне халатно и небрежно к работе своих предприятий. Они совершенно не опасались конкуренции, которой даже еще не было в России, и думали, что такие же баснословные доходы они будут получать и в дальнейшем. Металлурги Урала ничего не делали для усовершенствования своих заводов: на них десятилетиями оставалось старое, не отвечающее требованиям момента оборудование. Заводы безжалостно истребляли лесные дачи, расположенные по соседству с ними, и дрова приходится возить все с более далеких расстояний. Уже в 1908 году, по данным проф. Озерова, расстояния заводов от заготовок древесного угля составляли в Нижне-Салдинской даче — 49,9 вер., в Верхне-Салдинской 17,5, Черно-Источинской — 23,69, в Осимо-Уткинской и Висимо-Шайтанской — 11,1, Ланской — 25,8, дров — Нижне-Салдинской — 18,8 вер., Верхне-Салдинской — 16,5, Черно-Источинской — 6,5, в Осимо-Уткинской — 26,1, Ланской — 20 вер. С этого времени прошло 10 лет, в течение которых происходило дальнейшее истребление леса, и естественно, расстояния эти еще увеличились. Особенно сильно этот процесс дал себя чувствовать во время войны. В это время считались только с требованиями момента, с заданиями военной промышленности, с необходимостью дать побольше изделий и материалов, и в результате лес истреблялся беспощадно и при том по возможности ближе к заводам и горным округам. Лесные дачи и заготовки отодвигались все дальше от заводов.

До войны еще одно обстоятельство должно было оказывать серьезное влияние в том же направлении: это наделение землею уральских крестьян по думскому закону, которое отодвигало лесные заготовки еще на 5—10 верст от заводов.

Совокупность всех этих обстоятельств значительно повысила стоимость заготовки дров, гужевого провоза и проч., каковые расходы составляют для уральского металла около 60—70% его стоимости, а иногда и больше. Это обстоятельство указывает на нерациональность хозяйничания промышленников Урала, которые истребляли лес поближе к своим заводам, не считаясь с тем, что будет дальше. Производить дровяные заготовки в настоящее время будет еще труднее, так как военные события отняли значительную часть лошадей, в результате чего гужевой транспорт становится все более затруднительным.

Все эти причины сильно повышают себестоимость чугуна. При развитии промышленности она нормально должна понижаться, так, по крайней мере, обстоит дело в Англии, Гер-

мании и даже на юге России. На Урале себестоимость чугуна возрастает и при том довольно ощутительно: в 1862 г. себестоимость чугуна на Кушвинском заводе составляла 22,5 коп., в 1902 г.—44,08 коп., в Верхней Туре, в 1854 г.—25,5 коп., в 1902 г.—40,26 коп., т.-е. произошло удорожание чугуна почти вдвое.

Уральская промышленность шла по инерции, и это признавали даже сами промышленники Урала. Специализации заводов никогда не было: один и тот же горный округ или завод обычно изготовлял и металл, и чугун, и изделия. Это вызывало крайне нерациональную затрату сил.

Металлургические заводы технически расположены крайне неудовлетворительно: полупродукты для дальнейшей переработки приходится часто перевозить с одного завода на другой, иногда на несколько десятков верст. В техническом отношении оборудование заводов сильно устарело: имеются турбины с полезным действием 25—30%, между тем как можно достигнуть без особых затруднений 85—90%, т.-е. приблизительно в три раза больше.

Даже сравнительно хорошо оборудованные предприятия являются все же отстающими по сравнению с иностранными и с южными металлургическими заводами.

До революции каждый завод изготовлял весь сортимент, все разнообразные изделия, так как иначе он лишился бы покупателей, которые, не получая металла на каком-либо заводе, обращались к соседу. Уральские заводы отличались сравнительно низкой производительностью, но при этом каждый из них готовил массу различных продуктов и изделий, о чем дает представление следующее сопоставление: Юг в начале двадцатого столетия выделял на 27 заводах около 80 мил. пудов готового железа и стали, а Урал на 120 заводах только 24 мил. пудов.

Заготовительные цены для дров и угля на Урале с течением времени не только не уменьшались, но даже увеличивались. Это объясняется удалением лесных дач, повышением стоимости провоза дров и угля, рабочих рук и пр. Уральские промышленники не прибегали к механизации рубки и доставки дров и угля, что может в несколько раз понизить стоимость чугуна. Насколько росли эти расходы для металлургии Урала показывает тот факт, что стоимость заготовки угля с 1870 года до 1902 года увеличилась с 1 р. 77 коп. до 3 р. 2 коп. для Кушвы, с 1 р. 79 к. до 3 р. 46 к. для Верхней Туры и т. д. Для дров (куб. сажени) соответственные цифры составляли 3 р. 30 коп. и 6 р. 30 коп. для Кушвы, 3 р. 54 к. и 6 р. для Верхней Туры и т. д. При таких условиях работа заводов обходилась крайне дорого, к тому же и производительность их была довольно низкой, что объясняется в первую очередь плавкой на дро-

вах. На одного доменного рабочего выплавлялось в год чугуна на уральских заводах 5.500 пудов, а на южных—16.000 пудов, т.-е. втрое больше; на одного рабочего Урала изготовлялось железа и стали 443 пуда, а на южном заводе 2.600, т.-е. вчетверо больше.

Приведенные цифры показывают, что Уральская промышленность все время велась далеко нерационально. Это отлично понимали даже сами уральские промышленники, но для упорядочения и улучшения дел они не предпринимали никаких существенных мер.

К началу 20 столетия выяснился целый ряд шагов, необходимых для упорядочения производства. Необходимо было произвести коренную ломку всех промышленных предприятий, упразднить некоторые отрасли работы на них, развить другие и пр. Это требовало большого размаха, инициативы и предприимчивости, т.-е. как раз таких качеств, какими не обладали промышленники Урала, которых заела рутинная работа. Они работали по традиции, не вводя никаких улучшений и приемов. Война потребовала от промышленности особого напряжения сил и энергии. Промышленники Урала в этом случае ограничились тем, что усилили эксплуатацию труда, не вводя никаких улучшений и технических усовершенствований.

Сильно затрудняло все время работу Урала отсутствие железных дорог. По мнению проф. Озерова, „если Россия скудно оборудована путями сообщения (железными дорогами), то Урал оборудован ими еще скуднее раза в три“. Тот же проф. Озеров выдвигал в 1908 году проект проведения целого ряда железных дорог, которые должны были улучшить экономическое положение Урала. В первую очередь он считал необходимым проведение железной дороги к Егоршинским углям, к лесам на Тавде, к селу Таборинскому и пр. Эти железные дороги дали бы уголь и много дров, крайне необходимых для промышленности. Однако, эти проекты остались в своем большинстве в области проектов и предположений. Правительство не дало возможности их осуществить, а сами уральские промышленники не проявили должной инициативы.

В смысле упадка и регресса Урала значительная часть вины падает на правительство, которое поддерживало южную русскую промышленность в ущерб Урала. Так, напр., с 1879 года по 1908 г., т.-е. за 30 лет южные заводы получили заказов на рельсы на сумму 276 мил. рублей, а за последние 10 лет на сумму 144 мил. рублей, между тем как уральские заводы за то время получили заказов на 59 мил. руб. и за последние 10 лет всего на 37 мил. рублей. Южно-русские заводы получили за производство рельсов огромную премию, которая дала им возможность свободно

конкурировать с Уралом. Еще более вредное влияние оказывала политика владельцев так называемых посессионеров. Они не умели добывать достаточного количества руды, металла, золота, меди и пр. Они разорили богатейшие округа, в том числе и Нижне-Тагильский, про который сложилось мнение, что его „нельзя разорить“.

Крайне важным вопросом для Урала и его промышленности является его лесное хозяйство. При царизме оно было в отчаянном положении: леса находились в распоряжении трех ведомств: Управления Государственными Имуществами, Переселенческого Управления и Горного Ведомства.

Каждое из них вело хозяйство по-своему, каждое назначало свои делянки под рубку, а это подрывало и нарушало лесное хозяйство. Кроме того леса вырубались переселенцами, не считавшимися с основными требованиями лесной политики.

Расходы по лесам были сравнительно весьма значительны: они поглощали почти весь доход, который в 1909 году составлял около 2 миллионов рублей. Расходы же по казенным лесам в 1909 г. состояли из следующих главнейших частей: 757.000 руб. — земельные сборы, 172.000 руб. — административные, 140.000 руб. охрана и 16.500 руб. хозяйственные расходы. Таким образом хозяйственные расходы, направленные на улучшение леса, из общей суммы расходов в 1.089.000 руб. составляли только 1,5⁰/₀.

Частные заводы получали от казны большие делянки для разработки, так напр., в 1908—1909 г.г. Богословскому округу отведено было 256.600 десятин, Сосвинскому заводу 91.183 дес., Тагильскому округу—118.346 дес. и т. д. Однако, владельцы этих округов пользовались отводами для получения дров для нужд заводов, а в своих дачах рубили лес для экспорта.

В частных округах лесное хозяйство велось хищнически: лес выбрасывался на внешний рынок несмотря на то, что на Урале его слишком мало по сравнению с потребностями промышленности. Уральский лес уходил в Поволжье и на Тюменский рынок. Хищничество в лесном деле повело даже к тому, что уральская промышленность должна была сузить размах своей работы.

В распоряжении уральской промышленности имеются громадные запасы руды, но слишком мало леса, в результате чего нельзя расширять производства и усиливать выплавки металла.

Вести лесное хозяйство на Урале было очень трудно. Лесничества по своим размерам весьма значительны. Там имелось 20 лесничеств до 100.000 десятин и 21 — свыше 100.000, при чем в 5-ти из них размеры колебались от 500.000 до 900.000 десятин и в двух превышали миллион десятин. Таково было положение лесн. хозяйства в 1908—1910 г.

Отношения не изменились с 1909 года: размеры лесничеств не уменьшились ни во время войны, ни во время революции. Особенно трудно управлять лесами в настоящее время, когда вся хозяйственная жизнь Урала сильно расстроилась. Большинство лесничеств не может быть приведено в порядок, тем более, что размеры обходов и объездов колоссальны. Средняя их величина составляет 16.500 десятин, а в 75 случаях они превышали 30 тыс. десятин на каждый. В таких условиях об охране леса не может быть и речи. К 1908—1909 г. площадь устроенных лесов на Урале составляла только 6% всей площади, и с этого времени произошло еще значительное ухудшение. Пути сообщения на Урале находились все время в крайне неудовлетворительном положении. Целый ряд линий предполагалось провести несколько лет или даже десятилетий тому назад, и тем не менее эти дороги проведены не были до самого последнего времени. Так, напр., не была проведена дорога на Тавду, которая соединила бы с заводами десятиллионную площадь лесов и сильно удешевила стоимость древесного топлива. То же можно повторить относительно соединения Урала с угольными копями, что дало бы огромную экономию в стоимости угля. Почти монопольным поставщиком топлива на Урале был Абамелек-Лазарев (около 40 м. п. в год), который продавал свой уголь по 8, 5—9 коп. за пуд, наживаясь по 3—4 коп. на пуде. Проведение такой дороги уничтожило бы монопольное влияние Абамелек-Лазарева, создавая ему конкурента, который мог бы поставлять уголь значительно дешевле.

Особенно важно было проведение целой системы железных дорог в центральном и северном Урале, так как это дало бы массу леса и дров, которыми очень богаты северные окраины.

В течение последних десятилетий проектировалась, например, постройка Восточно-Уральской и Беломорской ж. д., которые должны были дать дрова центральному Уралу, но все эти планы не были осуществлены.

Для доставки дров и леса почти все заводы пользуются исключительно только 5-ю зимними месяцами, когда перевозки оказываются возможными и осуществимыми. Все остальное время перевозить грузы нельзя, так как летом, весной и осенью дороги находятся в невозможном состоянии. В это время проехать по этим дорогам особенно с грузом почти невозможно, а зимою ездят по снегу по следам, проложенным каким-либо путешественником или возчиком. В течение пяти зимних месяцев необходимо перебросить все дрова и весь уголь на заводы, так как иначе работы должны остановиться. Это всегда требовало крайнего напряжения всех перевозочных средств, усиленной работы всех лошадей и возчиков и пр.

Для Урала и его металлургической промышленности крайне важным вопросом было проведение узкоколейных дорог, которые могли бы заняться специально подвозом топлива с дач. Это тем важнее, что места заготовки дров отодвигались все дальше от заводов, а это удорожало стоимость чугуна, металла и изделий. До войны и во время ее эти дороги проводились крайне медленно и в весьма незначительных размерах.

На положение уральской промышленности и на общее культурное развитие населения серьезное влияние оказывало отсутствие сообщений и почты. Как это ни невероятно, но в 1910 году не было почтовых учреждений в целом ряде крупных промышленных центров, напр., на Верх-Исетском заводе. В значительной части Пермской и Вятской губ. было слишком мало почтовых учреждений, а это понижало культурный уровень населения. В России в среднем одно почтовое учреждение приходилось на местность с 10.000 населения, на Урале же наблюдалась другая картина. В Пермской губернии имелось 268 почтовых отделений при ее пространстве в 290.000 кв. верст и $3\frac{1}{2}$ мил. населения. В Екатеринбургском уезде одно почтовое учреждение приходилось на 18.000 жителей, в Ирбитском на 88.000 жителей, в Чердынском на 135.000 жит., в Шадринском почти на 185.000 человек и т. п. Таким образом Урал фактически был оторван от всего остального мира. Он жил слухами и сплетнями, не получая почти никаких известий. Весной и осенью при распутице прекращалась и эта работа, и почту доставляли еще неаккуратнее. Даже деньги приходилось переносить пешком с нарочными и специальными посыльными.

Таковы внешние условия, в которых приходилось жить населению Урала и его пролетариату. В течение последнего десятилетия условия не изменились к лучшему: пути сообщения, почта и заводы остались в прежнем положении. Рабочие все время были в кабале у предпринимателей, которые подолгу не платили заработка, держали их умышленно в невежестве так как это давало возможность усиливать эксплуатацию труда. Правительство и уральские промышленники усиленно спаивали население. Так, например, в Верхотурском округе (зав. Богословские, Нижне-Тагильские и пр.) расход на водку составил 3.179.000 руб. при 245.660 чел. населения, т.-е. по 13 руб. на душу, считая в том числе женщин и детей. В отдельных местностях расход на водку был еще выше; напр., в Верхотурье 29 р. 88 к. на душу, в Нижне-Туринской волости (Н.-Туринский зав.) 40 р. 30 к., в Богословской волости (Богословский и Надеждинский заводы) 25 р. 18 к., в Кушвинской волости (Кушвинский казенный завод) 21 р. 62 к. с души и т. д. Отравляя своих рабочих водкой, промышленники заставляли их работать по 10—12

часов и больше и выполнять очень часто непосильную работу.

Уральские промышленники получали меньший доход, чем предприниматели других районов, но это объяснялось исключительно низким уровнем промышленности Урала и его технической отсталостью. Сами предприниматели как будто задались целью понижать производительность труда своих рабочих. На Урале широко применялась система сдельных плат, при чем если заработок рабочего сильно повышался, администрация понижала расценки. Это заставляло рабочего тратить все большее и большее количество энергии, при чем вся выгода от этого забиралась предпринимателями. Культурный уровень рабочих был сравнительно невысок, и они, поставленные в очень тяжелые условия существования, не стремились улучшить своей жизни, сделать ее более приглядной и удобной.

Не менее важным, чем развитие железных дорог, является улучшение водных путей. В частности, для оживления промышленности северного Урала в 1908 году необходимо было привести в порядок судоходство по Каме и р. Белой, имеющее колоссальное значение для всей работы Урала.

Эти реки, благодаря усиленному истреблению леса, мелеют с каждым годом. Весной снег сходит очень быстро, а это затрудняет навигацию в течение всего сезона. То же можно повторить и о навигации на реке Вятке и системе старых каналов. В прошлом, в петровские и екатерининские времена, они действовали исправно, но постепенно были заброшены и пришли в полную негодность.

Улучшение водных путей сообщения, исследование рек, приведение в порядок старых каналов и прорытие новых ставились, как очередная задача для уральской промышленности еще в 1910—1912 г., т.-е. накануне войны, но в этом отношении ничего не было сделано.

Вопрос об улучшении путей сообщения встает вплотную перед Советским правительством. Личные интересы отдельных округов должны отступить на задний план, и в будущем будут произведены только такие работы, которые необходимы для всей уральской промышленности в целом.

Уже давно, лет 20—30 тому назад, был поставлен вопрос о соединении каналом бассейна Печоры и Камы. В этом отношении возможно было дать два варианта пути: первый по реке Волоснице через Печорский волок, затем по реке Вогулке, Елове, Березовке, Чудовскому озеру, реке Вишерке и Колве, при чем последняя впадает в Каму, а Волосница в Печору. Расстояние, по которому можно было провести канал, 4 версты, т.-е. относительно незначительно. Существовали и другие варианты соединения этих двух рек и пробуждения таким образом Печорского края с его зна-

чительными богатствами, которые оставались неразведанными и неизученными до последнего времени отчасти из-за отсутствия путей сообщения.

Вопрос о новом водном пути реально может быть поставлен только Советским правительством.

Советское правительство, руководясь общими интересами промышленности, не может жалеть затраты средств, когда оно рассчитывает на получение значительных результатов для промышленной и экономической жизни республики.

Вторым вопросом, крайне важным для уральской промышленности, является снабжение ее нефтью. Получать нефть с Кавказа было очень трудно. Для уральской промышленности главное значение имеет нефть с Ухты и из Поволжья.

Выходы нефти на Ухте были известны уже лет 300 тому назад. Вопрос о ней был поставлен лет 15—20 тому назад, когда предполагалось произвести исследование, разведки и пр. Промышленники Урала серьезно думали об ухтинской нефти и ждали ее появления на рынке, но нефтяные короли тормозили всякими средствами ее разработку. Благодаря особому влиянию нефтяных фирм до момента пролетарской революции нельзя было и мечтать об использовании этого района, а между тем по подсчетам проф. Озерова, основанным на научных данных, нефтяной район в Ухте, составляя свыше 12.000 кв. верст, мог бы давать с десятины более 4 мил. пуд. Таким образом запасы нефти составляли несколько миллиардов пудов.

Несмотря на эти авторитетные утверждения, конкуренция бакинской промышленности не давала возможности произвести обследования района и использовать его богатства, и они оставались неиспользованными до 1918 г., когда Советское правительство поставило вопрос об исследовании Ухты. Геологическое обследование и изучение района производится уже второй год при очень трудных условиях. Богатства Ухты оказались не столь значительными, как это предполагал проф. Озеров, но все же она может играть серьезную роль для оживления промышленности Урала, особенно северной его части.

Как топливо, для среднего и южного Урала будет иметь несомненное значение нефть Среднего Поволжья (Казанской, Саратовской, Симбирской губерний), которое еще богаче нефтью, чем Ухта. Нефтяное дело в этих губерниях тоже не могло развиваться благодаря злостной конкуренции бакинских промышленников и монополистов, опасавшихся появления нового поставщика нефти на русском рынке.

Советское правительство может и должно поставить на надлежащую высоту добычу нефти в этих районах, так как оно совершенно свободно от влияний Нобеля и других нефтяных королей Кавказа.

Запасы дровяного топлива истощаются на Урале крайне быстро, и его приходится в силу необходимости заменять другими видами топлива—нефтью с Ухты и Поволжья, коксом и углем Кузнецкого бассейна, горючими сланцами и пр.

Кузнецкий бассейн, как и нефтяные районы до войны и революции, оставался неизученным. Только в 1914 г. впервые был поставлен вопрос о детальном изучении этого бассейна. С этой целью была снаряжена специальная экспедиция под руководством проф. Л. И. Лутугина, которая приступила к разведкам и подробному изучению района. При самом поверхностном ознакомлении с ним Кузнецкий бассейн оказался очень богатым углем. Богатства его оцениваются специалистами в 40—50 миллиардов пудов, т.-е. почти равны богатствам Донецкого бассейна. Не исключена возможность и того, что Кузнецкий район окажется даже богаче углем, чем Донецкий бассейн. Уголь залегают мощными пластами недалеко от поверхности, что делает разработку очень удобной. Уголь Кузнецкого бассейна отличается высокими техническими качествами и преимуществами. Он отлично коксуется, что крайне важно для металлургических процессов. Мощные залежи угля Кузнецкого района, правда, расположенные довольно далеко (Кузнецк в Томской г.), могут дать очень много для металлургии Урала. Почти до войны на Кузнецкий бассейн не обращали должного внимания. По существу и некому было обращать на него внимание: самодержавное правительство сказывалось слишком непредприимчивым и косным, чтобы предпринимать какие-либо меры для изучения и разработки нового угольного района. Тогдашнее правительство не справлялось и со старыми районами добычи сырья и допустило до того, что выработка и доставка угля оказались значительно ниже нормальных потребностей страны.

Уральские промышленники были слишком развращены подачками правительства и легкой наживой, чтобы заняться практическим осуществлением грандиозных планов и разработкой нового района. Они не могли вырваться из рамок традиции и рутины в своей работе и продолжали беспощадно истреблять лес. Они не считались при этом с возможностью полного оскудения Урала и не искали новых видов топлива.

Соединение железной дорогой Кузнецкого бассейна с Уралом является первым условием, обеспечивающим возможность использования кузнецкого кокса. Однако, сооружение такой углевозной по преимуществу дороги является непосильным для отдельных предпринимателей и их групп. Для этого нужна помощь государства, которое до войны мало заботилось об экономическом развитии страны и строительстве экономической жизни.

В результате, на Кузнецкий бассейн, находившийся в распоряжении России в течение столетий, никто не обращал внимания, какого он заслуживал.

Во время войны была сделана попытка проф. Лутугиным изучить его и исследовать. Только Советское правительство сделало практические выводы из изысканий Л. И. Лутугина. В начале 1918 года был реально поставлен проект объединения железной дорогой Кузнецкого бассейна с Уралом и усиленной его разработки. Первый Съезд Советов Народного Хозяйства уделил много внимания этому вопросу, учитывая все трудности его осуществления. Необходимо было в совершенно новой местности, почти не затронутой еще промышленной и технической работой, пробить десятки новых шахт, улучшить существовавшие, построить громадную железную дорогу, для чего дать сотни тысяч пудов уральских рельс и т. д. Выгоды и преимущества, даваемые этой дорогой, были бесспорны и подтверждались вычислениями специалистов, которые считали, что доставка кокса к горе Магнитной или Благодать на Урале удешивит стоимость чугуна по крайней мере в 3—4 раза. По подсчетам проф. Липина в 1917 г., пуд. чугуна, выплавляемого на кузнецком коксе, обходился бы на заводах Среднего Урала в 30—40 коп.

Для постройки углевозной дороги были разработаны проекты, отпущены средств, рельсы и другие материалы, но осуществление ее оказалось невозможным вследствие чехословацкого мятежа, а затем сибирской колчаковской контрреволюции. В то же время приостановилось и дальнейшее изучение этого важного бассейна, прекратились работы по его организации, прекратился прилив с юга опытных шахтеров и работников. Словом, вся работа по использованию Кузнецкого бассейна временно остановилась, и теперь после его освобождения от власти Колчака придется ее налаживать сызнова, что будет крайне трудно. Сибирская железная дорога в результате восстаний местных рабочих и крестьян и упорных боев Красной армии с колчаковцами сильно разрушена. В распоряжении Советской России слишком мало рельс для того, чтобы предпринять громадную работу по прокладке новой железной дороги; рабочие Кузнецкого бассейна разбежались, ушли в армию или перебиты колчаковцами. К тому же в этом новом районе не могло быть еще такого пролетариата, как на Урале или в Донецком бассейне, который был бы связан с местами работы. Рабочие при наступлении реакции разбежались, и после освобождения Томска и Кузнецка от Колчака приходится их собирать сызнова.

Внешние условия для использования Кузнецкого бассейна крайне затруднительны. Это не преуменьшает его огромного значения для уральской металлургии, а лишь отодвигает его использование на более отдаленное будущее. Советскому правительству при-

дется много еще работать для того, чтобы разрешить вопросы, связанные с работой уральских заводов. В первую очередь придется привести в порядок казенные заводы Урала. Работа их была крайне неэкономной и нерациональной. Они давали значительные убытки, например, Мотовилихинский завод в 1905 году дал убытка 129.000 руб., в 1906 г.— 255.000 руб., в 1908—около 2,5 мил. руб. при общем производстве в 4 мил. руб. и 5—6 тыс. рабочих, т.-е. в последний год до войны убыток на каждого рабочего составлял 400—500 руб. в год. Не меньшей была убыточность пермских пушечных заводов: она составляла, напр., в 1907 г.— 1908 г. в среднем около 2½ мил. руб. в год.

Казенные заводы требовали затраты огромных средств, не давая взамен ничего реального. Помимо этого процент брака возрастал из года в год. На пермском пушечном заводе он колебался от 8,59% в 1904 г., до 21,05% в 1907 г. (по данным проф. Озерова). В некоторых мастерских брак достигал 25—30%, например, в сталелитейном цехе 34,4%, в снарядной мастерской—28,3% и т. д. За тот же период времени сильно повысились накладные расходы (приблизительно в 3 раза).

В общем и целом все хозяйство на казенных уральских заводах велось крайне нерационально и для его улучшения никаких мер не предпринималось администрацией заводов.

Об этом говорил целый ряд специальных комиссий, делегированных для обследований Урала и его заводов. Администрация казенных заводов Урала заботилась только о своей личной выгоде и наживе. Она брала взятки, грабила и с живого и с мертвого, пользуясь для этого всеми правилами и стеснениями, которые были установлены для фабрик и заводов и их хозяйственной деятельности. Особенно это дало себя почувствовать в годы войны.

Всевозможные поставки, облегченные условия сдачи изделий создали атмосферу весьма благоприятную для грабежа, взяток и личной наживы. Казенные заводы не улучшились во время войны: технически они были такими же отсталыми, как и ранее и давали громадные убытки.

В таком виде казенные заводы Урала перешли к Советской власти. Таким, например, было положение Воткинского завода, который, несмотря на громадные естественные богатства, работал в убыток, бесхозяйственно и хаотически.

По своему техническому оборудованию уральские заводы не могли улучшить и увеличить своей производительности. Оборудование мастерских и заводов сильно изнашивалось за время войны. Заменить его было нечем. Кроме того предприниматели часто об этом не заботились. Станки давали 05—60% своей нормальной производительности, а иногда и меньше. Администрация казенных и частных заводов тре-

бовала от рабочих чрезвычайной энергии, которая между тем все понижалось вследствие дороговизны и недоедания. Этим и объясняется падение производительности отдельных рабочих, мастерских и целых заводов, наблюдаемое во время войны. Падение интенсивности труда увеличивалось из года в год и крайней степени достигло к моменту окончания империалистической войны. По отчетам горных округов, например, Верх-Исетского, к лету 1917 года производительность труда понизилась на 30—40% по сравнению с производительностью 1914—1915 года.

За несколько лет до войны для продажи изделий металлургических заводов Урала был создан специальный синдикат „Кровля“, объединивший почти все производство кровельного железа на Урале. Этот синдикат занялся спекуляцией, что, разумеется, не могло улучшить положения уральской промышленности. В 1906—1908 г. она испытывала тяжелый внутренний кризис, осложняющийся неустанной борьбой с югом. В этой борьбе судьбу Урала не трудно было предвидеть. Он был хуже организован, его работа стояла несравненно ниже, чем работа юга. Техническое различие между работой Донецкого бассейна и Урала было настолько велико, что последний, несмотря на свои колоссальные богатства, мог влачить только жалкое существование. Урал остановился на известной степени развития, между тем как юг шел вперед.

Работа Урала оказалась весьма затрудненной вследствие целого ряда причин. В этом отношении сыграло известную роль и истребление лесов, принявшее катастрофические размеры, и недостаток железных дорог, и отсутствие какой бы то ни было специализации в работе заводов, и хаос в земельных отношениях, и нежелание владельцев и казны вводить необходимые улучшения на заводах и целый ряд других обстоятельств. Все эти факты не были устранены до самого последнего времени, и все они оказались весьма определенно на положении заводов Урала и на их выработке.

Урал представляет огромные потенциальные богатства, но они использовались крайне неэкономно и нерационально. Это повело к тому, что к моменту революции уральская промышленность попала в тупик, из которого, повидимому, не было выхода.

II. Богатства Урала.

а) Золото и платина.

Посмотрим теперь, чем богат Урал и что он мог бы давать для промышленной и хозяйственной жизни страны.

Урал богат золотом, которое было открыто впервые в России в 1744 году близ г. Екатеринбурга в районе Березовских золотых промыслов.

Золото добывается в России в трех местах: на Урале, в Западной и Восточной Сибири, при чем поступление шлихового золота (с примесями) колеблется за последние десятилетия, проявляя в общем тенденцию к повышению. В 1904 г. общая добыча шлихового золота в России составляла 2.668 пуд., а к 1913 г. это количество увеличилось до 3,714 пудов. По районам добыча золота распределилась следующим образом в 1912 г.: Урал—670 пуд., Западная Сибирь—203 пуд. и Восточная Сибирь—2,680 пуд.; таким образом Урал в среднем давал 20% российской добычи золота. Эти отношения сохранились для 1913 года, когда Урал дал 655 пуд., Западная Сибирь—200 пуд. и Восточная Сибирь 2,859 пуд. из общего количества в 3,714 пуд. Добыча Урала сравнительно невысока, при чем в 1914 г. она упала по сравнению с 1913 г. приблизительно на 5—10%.

Внешние условия работы на Урале складываются неблагоприятно для развития золотой промышленности: золотые россыпи и рудники расположены далеко от культурных центров, от дорог и пр. До самого последнего времени применялись отсталые методы разработки, сильно понижавшие выход золота и удораживавшие его добычу. Разработка золотых месторождений по преимуществу носила хищнический характер, при чем промышленники стремились получить по возможности больше, не обращая внимание на использование остатков.

Открытие жильных месторождений золота создало большую устойчивость и уменьшило колебания, которые все же имеют место в Восточной Сибири. Последняя является главным районом по добыче золота, дающим 77% всей добычи золота (Урал—17,6% и Западная Сибирь—5,4%).

Несмотря на относительно незначительное количество золота, добываемого на Урале, он стоит на первом месте по добыче жильного золота (при помощи подземных шахт). Рассыпное золото легче добыть, но его добыча подвержена различным случайностям и колеблется в зависимости от обнаруженных месторождений. В 1913 году россыпного золота было получено 3.221 пуд., жильного 553 пуда, из этих цифр на Урал приходится 323 пуда россыпного и 392 пуда жильного золота.

Добычей золота был занят довольно значительный контингент рабочих: так, в 1913 году на золотых работах было занято 88.608 рабочих, из которых 31.126 человек приходилось на Урал, 5.368 человек—на Западную Сибирь и 51.114 человек—на Восточную Сибирь. В течение десятилетия (с 1904 г.) количество рабочих возросло на 7.834 человека или на 8,8%, при чем, однако, по отдельным районам произошло даже уменьшение количества рабочих, напр., на Урале количество рабочих упало с 40.388 до 32.126 человек (почти на 50—60%).

Золотопромышленность Урала является первой по возникновению в России. Его россыпи уже более или менее истощены, и до войны золотопромышленники перешли на эксплуатацию жильных месторождений и извлечение золота из руд.

Уральский золотопромышленный район распадается на 11 горных округов, которые отличаются друг от друга по характеру месторождений и степени развития в них золотопромышленности. В этих округах (Пермский, Чердынский, Южно-Верхотурский, Сев.-Верхотурский, Сев.-Екатеринбургский, Юж.-Екатеринбургский, Зап.-Екатеринбургский, Миасский, Оренбургский, Верх.-Уральский, Уфимский) было 210 предприятий в 1913 г. с 677 приисками на 217.522 десятинах земли, при чем там было добыто 440 пуд. золота. Свыше 90% уральской добычи золота падает на 5 округов—Миасский, Оренбургский, Юж.-Екатеринбургский, Сев.-Екатеринбургский, и Верхне-Уральский, из которых Миасский дает около 40%, а Оренбургский около 19% добычи золота на Урале.

Остальные горные округа можно охарактеризовать следующими данными, почерпнутыми из „Общего обзора главных отраслей горной и горно-заводской промышленности“: в Пермском округе добыча золота сосредоточена по течению р. Иса на Крестовоздвиженских промыслах Шувалова, где запасы уже сильно исчерпаны.

В Чердынском округе запасы уже почти совершенно исчерпаны. В Северо-Верхотурском округе надежда на развитие золотой промышленности серьезна, особенно в Северо-Заозерской даче. В Юж.-Верхотурском округе наблюдается сильное падение золотой промышленности. Сравнительно очень богатым является Юж.-Екатеринбургский горный округ, главным образом, бывшее Березовское товарищество, где добыча золота поставлена на прочной основе.

Самым богатым округом является Миасский, где Кочкарское месторождение дает от 4 до 8, а иногда и 16 золотников на 100 пуд. руды. Остальные округа имеют пока ничтожное значение, несмотря на их значительные богатства.

Золотая промышленность России страдала вследствие недостаточного изучения районов добычи, слабого применения механических средств добычи, отсутствия хороших путей сообщения и пр. В 1914 и 1915 г. наблюдалось известное увеличение добычи золота в Пермском и Сев.-Екатеринбургском округах благодаря усиленной разработке торфов, россыпей, жил и пр.

Золотая промышленность Урала в общем народном хозяйстве представляет вполне определенную величину. В связи с военными событиями и занятием Урала белыми, его золотопромышленность сильно пострадала.

В течение двух лет революции она пережила следующие изменения. В 1917 году были устранены крупные промыш-

ленники, и с того момента начала особенно развиваться работа „старателей“, которой к моменту белогвардейского переворота Советской власти не удалось еще поставить в определенные рамки.

Летом 1918 года пришли белые, которые значительно еще усилили самостоятельность „старателей“. „Старатели“ собирали золото на свой страх и риск, не сдавали его государству и спекулировали на нем. Они разрабатывали самостоятельно и полусамостоятельно даже шахты и расхищали золото. В результате создалась спекуляция на золото, погоня за ним и целый ряд уродливых и ненормальных явлений.

Золотая промышленность пострадала больше, чем другие отрасли народного хозяйства, и наладить ее работу будет сравнительно нелегко. Советскому правительству на Урале нужно будет заняться в первую очередь этим вопросом, так как приходится серьезно учитывать факт значительного сокращения золотого запаса России и большую его покупательную способность на мировом рынке. Сказанное не знаменует еще желания Советской России вернуться к золотой валюте, но золото можно будет использовать в первую очередь для внешней торговли.

Урал, как мы видели, давал около 20% общероссийской добычи золота. Необходимо будет напрячь все силы и использовать имеющиеся в нашем распоряжении ресурсы для того, чтобы добиться максимального повышения его добычи. Одну из ближайших задач в области золотого дела составляет энергичная борьба со спекуляцией „старателей“, которые фактически разрушают золотопромышленность, и восстановление работы приостановившихся крупных золотопромышленных предприятий, обладающих хорошими техническими приспособлениями для работы.

Вторым бесспорным богатством Урала является платина. Главным и почти единственным местом ее добычи является Урал, который дал в 1911 г.—93, 1 % общемировой добычи (5. 766 килогр. из 6189 кил.). За последние годы, предшествующие революции, Урал давал около 300 пудов платины в год, которая высоко ценилась на мировом рынке. Почти вся платина, добываемая в России, вывозилась за границу, где и шла для удовлетворения самых разнообразных нужд и запросов. В связи с войной добыча платины в России понижалась (в среднем на 8—10 % в год). Особенно сильное падение в добыче платины имело место в 1917 г., когда добыча ее составила 1417 кил. против 7087 кил. в 1913 г., т.-е. понизилась в 5 раз. В то же самое время и отчасти благодаря кризису с платиной на Урале общемировая добыча упала с 7575 кил. до 2346 кил., т.-е. на 70 %. Несмотря на это Советская Россия будет важнейшим производителем и поставщиком платины для мирового рынка. Колебания в

его добыче носят исключительно временный характер, и когда жизнь войдет в нормальную колею—будут устранены.

По районам добыча платины распределяется следующим образом: Южно-Верхотурский округ—около 67% всей добычи, Пермский—24%, а остальное в Северо-Верхотурском 4,7%, Чердынском и Южно-Екатеринбургском—3,3%.

Платина ценится весьма высоко на международном рынке, и потому добыча ее увеличится. Платина несомненно будет служить одним из ценнейших продуктов для внешнего товарообмена с остальной Европой, которая была оторвана от русского платинового рынка и, при восстановлении нормальных отношений, постарается широко его использовать, покрывая часть требований на платину.

б) М е д ь.

Значительным богатством Урала является его медь. Медная промышленность была известна в России давно. Она развилась до 60 годов девятнадцатого столетия, но с этого момента начался кризис медной промышленности на Урале, который продолжался до 80 годов. С этого времени начинается снова расцвет медной промышленности, при чем добыча увеличилась с 195.000 пуд. в 1880 году до 600.000 пуд. в 1904 году. Тем не менее русская промышленность могла удовлетворить только около $\frac{1}{3}$ спроса, а все остальное количество покрывалось ввозом из-за границы.

За десятилетие, предшествующее войне, медная промышленность России пережила период блестящего развития. В 1843 году выплавка в России составляла только 281.000 пудов, в 1903 г. уже 564.000 пудов, в 1910 г. 1.385.000 пуд., а в последние годы (12, 13 и 14) свыше 1 мил. пудов, покрывая от 75% до 85% потребления страны. Выплавка меди на Урале по годам представляется в следующ. цифрах: 1913—1916 г. по 1 мил. пудов, 1917 г.—725.720 пудов и в 1918 г.—около 90.000 пуд. Выплавка меди по районам распределяется следующим образом: Урал около $\frac{1}{2}$ всего производства, Кавказ около $\frac{1}{3}$ и остальное—Киргизские степи и Енисейский район.

Для медной промышленности Урал имеет весьма серьезное значение, являясь главным поставщиком меди.

Промышленники и владельцы медных предприятий за несколько лет до войны постарались создать особый синдикат, который объединял почти всю добычу и выплавку меди. В 1907 г. было создано акционерное общество „Медь“, которое явилось фактическим хозяином всей промышленности, диктующим свои условия.

Насколько быстро шло объединение медной промышленности показывает процентное участие „Меди“ в медеплавильных заводах.

Группы заводов.	% отношение к общему произ. меди в России.	
	1910 год.	1913 год.
Акционерное О-во „Медь“	56,3	38,2
Заводы, продающие О-ву „Медь“ свое производство.	3,0	30,5
Контрагенты О-ва „Медь“	21,5	27,0
Заводы, не входящие в организацию .	19,2	4,3
	100,0	100,0

Если в 1910 году около 20% производства меди давал синдикат, то в 1913 году вне синдиката осталось только 4,3%. Роль „Меди“ возрасла с течением времени: она фактически стала монополистом и подчинила себе весь рынок. В 1914 году она сосредоточила в своих руках около 60—70% всей выплавки меди.

Для русской медной промышленности все большее значение получает производство так называемой электролитической меди, служащей для целей электротехники. Это производство постепенно вытесняет сырую штыковую медь. В 1909 году потребление штыковой меди составляло более $\frac{3}{5}$ общего потребления, а электролитической менее $\frac{2}{5}$; в 1913 году эти сорта меди меняются своим положением.

По потребителям сбыт меди в 1913 году распределяется следующим образом (в тысячах пудах):

	Штыковая.	Электролит.	ВСЕГО.
Прокатные заводы	658	967	1.625
Казенные заводы и жел. дор.	40	66	106
Прочие потребители.	146	66	212
Итого	844	1.099	1.943

Таким образом первое место занимали прокатные заводы, за ними идут казенные заводы и железные дороги. Производство меди сосредоточено на Урале, при чем ею богаты оба склона.

Наибольший интерес представляют коренные месторождения восточного склона, где встречаются руды с содержанием от 3% до 7% меди. Беднее западный склон, где содержание меди колеблется от 2% до 2½%. В последнее время разрабатывались, главным образом, месторождения восточного склона, горные округа—Богословский, Кыштымский, Нижне-Тагильский, Верх.-Исетский, Сысертский, Монетная

дача Северо-Екатеринбургского горного округа, месторождения в Оренбургской и Уфимской губерниях.

На первом месте по добыче руды и выплавке меди стоит Кыштымский горный округ, давший 22.648.000 пудов руды и 466.900 пудов меди (свыше 50% руды и 46% меди).

На втором месте стоит Богословский горный округ, давший 3.781.000 пудов руды и 235.000 пудов меди, т.-е. около 10% руды и около 23% меди, на третьем месте—Верх.-Исетский около 17% меди.

По залежам и запасам самым богатым округом является Кыштымский, в котором имеется около 5—6 мил. тонн руды с 3% меди. Не менее богат Богословский округ, обладающий рудами с 6% содержанием меди, за ними идут остальные районы, в которых содержание меди иногда превышает даже приведенные выше цифры.

Насколько быстро развивалась медная промышленность Урала показывает следующая таблица:

	1913 г.	1909 г.	1904 г.
I.			
Добыча медн. руд. в тыс. п.	40.918	20.917	8.056
Число предприятий.. . . .	8	8	4
Число рудников.	18	25	21
Число рабочих	7.271	5.117	2.912
Число двигат. и машин.. .	159	71	52
Общая мощность их.	8.866	3.132	2.394
II.			
Выплавка меди в тыс. п. . .	966,5	519,4	265,9
Число предприятий	7	7	4
Число заводов.	13	11	7
Число рабочих	7.936	5.900	5.507
Число печей	60	81	60
Число двигат. и машин. . .	93	31	35
Общая мощность их.	10.216	5.283	2.220

(Общий обзор горн. и горнозав. промыш., стр. 152.)

в) Железные руды.

Главным богатством Урала являются его железные руды. Урал был тем местом, где впервые в России начала развиваться добыча руды и выплавка металла. К началу XIX столетия выплавка чугуна в России составляла около 10 мил. пудов в год, при чем 90% ее сосредоточивалась на Урале.

При крепостном строе добыча руды развивалась, увеличиваясь из года в год, но после реформы 1864 года промышленники Урала не смогли приспособиться к новым условиям жизни, и добыча начала падать. С течением времени она начала снова медленно увеличиваться.

Урал все время конкурировал в смысле добычи руды с югом России. Однако, промышленники Урала оказались мало предприимчивыми и энергичными по сравнению с французскими и бельгийскими капиталистами, подчинившими себе добычу руды и выплавку металла в Донецком бассейне. Несмотря на огромные богатства руды на Урале, он стоял все время на втором плане. Само правительство все время искусственно поддерживало Юг в его борьбе с Уралом. Промышленники Донецкого бассейна получали многомиллионные заказы, и это давало им возможность выплачивать огромные дивиденды, о которых понятия даже не имела Западная Европа. Часть этих доходов промышленники Донецкого бассейна вкладывали в промышленные предприятия, которые благодаря этому развивались и крепли. Уральские промышленники в это время вели хозяйство по традиции, не улучшая, как мы это видели из предыдущего обзора, своих предприятий. В результате они регрессировали и не могли конкурировать с развивающейся промышленностью Донецкого бассейна.

Рудные запасы Урала играют немаловажную роль в общих ресурсах России. По подсчетам проф. Богдановича, относящимся к началу XX столетия, запасы руды в Европейской России составляли около 120 миллиардов пудов, причем в это количество не входили болотные руды, неразведанные богатства и проч.

По отдельным районам запасы руды распределяются следующим образом:

Р а й о н ы.	Запасы в миллионах пуд.	
	Руды.	Железа в руде.
Юг России	32.696	14.237
Урал	17.198	8.277
Центр. Россия	48.060	19.215
Польша	18.000	7.320
Кавказ	850	506
Всего	116.804	49.555.

Позднейшие исследования показали, что проф. Богданович недооценивал даже рудных богатств Урала, которые не ниже богатств Донецкого бассейна, а, может быть, их пре-

выпадают. В силу очерченных причин производство Урала стояло на сравнительно весьма невысокой ступени развития.

За 40—50 последних лет отношения сильно изменились: в 1870—1880 г. Урал стоял на первом месте по добыче руды, давая свыше 60% общероссийской добычи. К началу XX столетия он лишился своего первостепенного значения, давая лишь около 20—25% общероссийской добычи, о чем дает представление следующая таблица.

Г о д а.	Добыча железной руды в %				
	Юг.	Урал.	Польша.	Центр.	Прочие районы.
1870	2,9	61,9	14,4	18,8	2,0
1880	4,5	63,7	14,9	14,7	2,2
1890	21,6	52,9	12,6	11,5	1,4
1900	57,2	27,6	8,0	6,4	0,8
1910	73,8	20,8	2,9	2,2	0,3
1913	72,2	18,9	3,2	5,5	2,2

За этот промежуток времени общероссийская добыча руды увеличилась с 50 мил. пудов в 1870 г. до 60 мил. пудов в 1880 г., 65 мил. пудов в 1885 году и 581 мил. пудов в 1913 году.

О росте добычи руды за тот же промежуток времени и распределении ее по районам дают представление следующие цифры:

Г о д а.	Добыча железной руды в тысячах пудах.				
	Вся Россия.	Юг.	Урал.	Польша.	Центр.
1885	64.962	7.237	39.997	8.244	8.513
1895	178.520	59.117	74.151	22.076	16.526
1905	301.473	188.721	82.671	16.165	10.102
1910	352.107	260.040	73.233	10.191	7.761
1913	581.537	420.071	109.971	19.000	32.145

Добыча руды в России увеличилась в 9 раз, при чем по отдельным районам это увеличение различно, напр., на Юге в 60 раз, на Урале в 3 раза и т. д.

Этот факт показывает, насколько быстрее развивался Юг, чем Урал, который остановился почти на одной точке и сильно отстал от развития остальной России.

Проф. Богданович распределяет Урал следующим образом на восемь основных групп:

1. Магнитный железняк в Южно-Заозерской даче, Богословском, Николо-Павдинском, Гороблагодатском, Нижне-Тагильском, Уфалейском, Сысертском и Невьянском с содержанием железа не менее 40⁰/₀, около двух миллионов пудов руды.

2. Магнитный железняк на горе Благодать, в Гороблагодатском округе, в горе Высокой, Магнитной и в Богословском округе с содержанием железа около 55—56⁰/₀, запас около 3,5 миллиардов пудов руды, что может дать 2 миллиарда пудов чугуна.

3. Троицкие месторождения магнитного железняка в Кизеловской даче с запасом 56⁰/₀ руды в 200 мил. пудов.

4. Незначительные запасы магнитного железняка близ Кыштымского завода и в Уткинской даче.

5. Магнитный, красный и бурый железняк в Билимбаевской даче в Уфалейском округе, в Ревдинском округе, в Сысертском и Гороблагодатском округах.

6. Многочисленные пластообразные, штокообразные и гнездовые месторождения бурого и шпатового железняка с запасом руды от 50 до 40⁰/₀ в 11 миллиардов пудов, и, наконец, мелкие месторождения красных железняков и дерновых руд.

В общем содержание металла весьма высоко и превышает нередко 60⁰/₀. Для Северного Урала оно колеблется от 45 до 65⁰/₀, для Среднего Урала от 53 до 66⁰/₀ и даже 86⁰/₀, для Малой Благодати и для Южного Урала—от 55⁰/₀ до 65⁰/₀ (гора Магнитная).

Добыча руды на Урале раздроблена в большом количестве небольших рудников. По данным последних довоенных годов 1913 и 1914 г.г., работало там 290 и 264 частных рудников и 11 и 9 казенных, т.-е. всего в 1913 г. 301 рудник и в 1914 г.—273, при чем на них было занято свыше 17 тысяч рабочих (17.200 человек).

г) Выплавка чугуна и фабрикация железа.

Одновременно с усилением добычи руды шла усиленная выплавка чугуна и производство различных видов железа. В 20—50 г.г. прошлого столетия выплавка чугуна производилась только на Урале: с течением времени на первое место выдвигался Донецкий бассейн. В силу особых условий плавки в этих районах изменяется и отношение между чугуном, выплавленным на древесном и минеральном топливе. В 1884 году всего было выплавлено 31,1 мил. пуд. чугуна, при чем 28,3 мил. пуд. на древесном топливе и 2,8 мил. пуд. на минеральном; в 1898 г.—50,9 мил. пуд. на древесном и 133,2 мил. на минеральном и в 1913 г. соответственные цифры составляли 60,8 мил. пуд. и 222,2 мил. пудов.

На древесном топливе работал, главным образом, Урал и, отчасти, центр России; на минеральном — Юг, который приобретал все большее значение для промышленности.

В 1884 году 91% всей выплавки падает на древесно-угольный чугун, а 9% — на минеральное топливо; в 1913 г. — 78,5% всего производства приходится на минеральное топливо и 21,5% — на древесно-угольный металл.

О роли отдельных районов в выплавке чугуна дает представление следующая таблица.

Выплавка чугуна в мил. пуд.

ГОДЫ.	Дон. басс.	УРАЛ.	Центр. России.	Вся Россия.
1864	0,1	12,4	2,7	18,3
1884	0,2	20,8	3,7	31,1
1904	110,9	39,7	5,8	181,5
1913	189,7	55,8	11,8	283,0
1914	186,2	52,4	10,5	264,1

В 1864 г. на первом месте стоял Урал, дававший около $\frac{2}{3}$ всего производства, к 1913—1914 г.г. его выплавка увеличилась в 4,5 раза, а Донецкого бассейна — 1800 раз, при чем отдает около $\frac{2}{3}$ всего производства, в то время как Урал только $\frac{1}{5}$.

Несмотря на эту довольно высокую выплавку чугуна, промышленность удовлетворяла только часть, и при том довольно неполную, требований страны.

Заводы России почти без исключения работали неполным темпом. В 1906 году производительная способность всех металлургических заводов составляла около 300 мил. пуд., в то время как фактически было произведено 164,2 мил. пуд. (55% производительной способности заводов); в 1914 г. производительная способность заводов составляла уже около 400 мил. пуд., а на заводах было изготовлено только 264,1 мил. пуд. В последние годы заводы давали только около 65—70% того, что они могли бы производить, судя по их оборудованию и технической подготовке для производства.

Сама работа заводов России с течением времени улучшалась: число их возросло сравнительно незначительно, равным образом, как и число доменных печей, а производительность домны сильно увеличилась. Так, например, в 1894 г. работало 142 завода, 234 домны с производством завода в 600.000 пудов и с производством одной домны в 347.000 пудов при 14.209 рабочих, а в 1914 г. было 167 заводов, 171 домна, при чем производство завода составляло около 1.7 мил. пуд. (втрое больше, чем в 1894 году), про-

изводство домны — 1.651.000 пудов, в пять раз больше) при 22.394 рабочих.

По производству чугуна Урал стоял на втором месте. То же можно сказать и о производстве готового железа и стали: в 1914 г. Юг России дал 60% готового продукта (143,9 милл. пуд.), Урал — 16,9% (406 милл. пуд.), Польша — 7,2% (17,3 милл. пуд.), Северный и Прибалтийский районы — 6,8% (15,8 милл. пуд.) и Центральный район — 9,1% (22,0 милл. пуд.).

Из отдельных сортов Урал давал рельсы — около $\frac{1}{4}$ производства России, кровельное железо — около 60% и т. д.

Урал обладает огромными богатствами руды и металла. Он мог бы сильно увеличить производство, но хозяйственная политика его промышленников мешала его развитию.

Юг шел гораздо быстрее Урала по пути развития, а в это время Урал фактически оставался на прежнем уровне. Он раза в 3—4 увеличил свое производство в то время, как Юг увеличил его в 300—400 и больше раз. Отчасти в этом направлении оказало влияние и то обстоятельство, что уральская промышленность работала исключительно только на древесном угле, между тем как в Донецком бассейне удачно сочетались месторождения руды и коксующихся углей, что явилось одной из причин быстрого развития донецкой промышленности.

Война вызвала известный застой в промышленности Урала. Металлическая его промышленность фактически остановилась на той ступени развития, на которой стояла до войны в 1913—1914 г.г. и даже пошла назад.

Правительство требовало напряжения сил и энергии от уральской промышленности, но при техническом ее состоянии она ничего не могла дать сверх того, что она давала до войны.

За время войны выплавка чугуна уменьшилась: в 1913 г. было выплавлено — 55 милл. пуд., в 1915 г. — 49,73 милл. пуд., в 1916 г. — 47 милл. пуд., в 1917 г. — 45 милл. пуд. и в 1918 г. — только 14 милл. пуд.

Если принять цифру 1913 года за 100, то в последующие годы выплавка составляла 94%, 80%, 85%, 82% и 25%.

Это падение дало себя особенно резко чувствовать с момента революции. События 1918 г. — захват Урала чехо-словаками и Колчаком — совершенно распатали его работу, выплавка упала на $\frac{3}{4}$.

Во время войны сравнительно более устойчивыми оказались казенные заводы, на которых выплавка уменьшалась сравнительно лишь немного, между тем как частные совершенно не могли справиться с затруднениями в работе.

По отдельным районам это падение оказалось различным. Так, за время с 1914 г. по 1918 г. выплавка упала на север-

ном Урале на 66,6%, в среднем — на 44,7% и в южном — на 13,7%.

1918 год оказался особенно критическим для Урала. В это время происходила и национализация его горных округов, и создание новых форм управления, и вооруженная борьба за обладание Уралом, сопровождающаяся многократными переходами заводов из рук в руки.

В конце 1917 г. началась организация Урала на новых основах, в апреле 1918 г. произошло выступление чехо-словаков, в мае были захвачены Белорецкий, Златоустовский, Катавский и Симский округа, в июне были заняты — Кыштымский, Сысеретский и Сергино-Уфалейский округа, в июле — Ревдинский и Шайтанский, а затем Екатеринбург. В августе и сентябре были заняты Колчаком — Верх-Исетский, Невьянский, Тагильский и Алапаевский округа, к концу года были заняты — Гороблагодатский, Николо-Павдинский, Богословский и весь Верхотурский район, затем Лысвенский и Чусовский округа, а в декабре — Пермь с Мотовилихой и важнейшие прикамские заводы.

В результате этого продвижения из ста с лишним заводов Урала в распоряжении Советской власти осталось только шесть заводов Вятской губернии.

О работе уральских металлургических заводов в 1918 г. дает представление следующая таблица (см. стр. 28).

Металлургическая промышленность Урала носит характер мелкой промышленности по сравнению с Донецким бассейном. Действительно, вся металлургическая промышленность Донецкого бассейна сосредоточена на 18 заводах, между тем как на Урале имеется 106 заводов; средняя годовая производительность металлургического завода в Донецком бассейне составляет около 8 мил. пуд., на Урале всего только 550.000 пуд.

Особенно серьезным отличием в работе Урала является то, что он работает исключительно на древесном топливе, благодаря чему получается высоко качественный чугун, особенно ценный для промышленности. Однако, этот чугун оставался неиспользованным российской промышленностью. В то же время работа на древесном топливе обуславливала сравнительно невысокую производительность: максимальная суточная производительность равна 7.500 пуд., между тем как при коксовой плавке она равна 40.000 пуд. на домну. Урал мог дать лишь часть того, что давал Донецкий бассейн.

Благодаря плавке на дровах шло быстрое истребление лесов Урала. Лесные дачи оказываются все больше удаленными от заводов; приходится все большее количество денег затрачивать на лесные заготовки, что является мертвым грузом, увеличивающим накладные расходы.

Округа и заводы.	Сколько мес. 1918 г. завод раб. в предел. Совет. России.	Сколько чугуна вы- плавлено за это время (в пудах).	Средн. мес. выплавка (в пуд.).	Нормальн. средн. мес. выпл. (по 1914 г. в пуд.).	Уменьш. средн. мес. производи- тельности в %.
Холуницкий округ.					
Климковский завод	12	206.000	17.200	40.000	57
Омутнинский округ.					
Кирсинский завод	12	100.000	21.600	50.000	66
Песковский »	12	160.000			
Кизеловский округ.					
Кизеловский завод	11	907.000	82.400	140.000	41
Ножевский »	11	97.000	3.600	35.000	74
Богословский округ.					
Надеждинский завод	9	1.446.000			
Сосвинский »	6	216.000	188.000	900.000	79
Лысвенский округ.					
Курье-Александр. з.	10	186.000			
Бисертский завод	10		80.200	200.000	60
Топлогорск. »	10	616.000			
Чусовский округ.					
Чусовский завод	10	216.000	69.400	320.000	70
Пашийский »	10	478.000			
Гороблагодатский округ.					
Кушвинский завод	9	736.000			
В.-Туринский »	9	179.000			
Н.-Туринский »	9		135.200	434.000	69
Баранчинский »	9	302.000			
Тагильский округ.					
Н.-Тагильский завод	8	514.000			
Вис.-Шайтанский завод...	8		179.600	441.000	58
Н.-Салдинский » ...	8	840.000			
Чикитинский » ...	10	96.000			
Алапаевский округ.					
Алапаевский завод	8	450.000			
Спнячихинский »	8	283.000	91.600	249.000	63
Н.-Шайтанский »	8				
Невьянский »	7	115.000	16.400	28.000	43
Каменский »	7	93.000	13.300	30.000	57
В.-Исетский округ.					
Режевский завод	6	180.000			
Н.-Рудянский »	6	80.000			
В.-Тагильский »	6		79.300	175.000	53
Уткинский »	6				
В.-Несетский »	6	216.000			
Итого....					

Округа и заводы.	Сколько мес. 1913 г. завод раб. в пролет. Совет. России.	Сколько чу- гуна выпла- влено за это время (в пу- дах).	Средн. мес. выплавка (в пуд.).	Нормальн. средн. мес. выпл. (по 1914 г. выпуд.)	Уменьш. средн. мес. производи- тельности в %
Сергинско-Уфалейский округ.					
В.-Сергинский завод	5	130.000			
Н.-Сергинский »	5	85.000			
В.-Уфалейский »	5	206.000	102.000	175.000	41
Н.-Уфалейский »	5	91.000			
Сысертский округ.					
Сысертский завод	5	203.000	58.000	155.000	62
Северский »	5	86.000			
Округ 6. Строганова.					
Билимбаевский завод	6	109.000	25.000	75.000	66
Уткинский »	6	40.000			
Ревдинский округ.					
Ревдинский завод	6	191.000	56.000	77.000	27
Бисертский »	5	116.000			
Кыштымский округ.					
В.-Кыштымский завод	5	180.000	66.000	75.000	12
Незепетровский »	5	150.000			
Златоустовский округ.					
Саткинский завод	4	800.000			
Златоустовский завод	4	705.000	403.000	450.000	10
Кусинский »	4	108.000			
Катаевский округ.					
Катаев-Ивановск. з.	4	514.000	128.000	165.000	23
Симский округ.					
Симский завод	4		160.000	181.000	13
Ата-Балашевский з.	4	640.000			
Белорецкий округ.					
Белорецкий завод	3	300.000	123.000	135.000	9
Уаянский »	3	70.000			
Инзерский округ.					
Инзерский завод	4	200.000	50.000	120.000	58
Лыпыштинский завод	4				
Комаровский округ.					
Авзяно-Петровский завод	4	200.000	50.000		
Зигаинский »	4	120.000	30.000	45.000	33
Итого	—	13.956.000	2.234.000	4.695.000	52.4

Вырубка лесов на Урале шла настолько быстрыми шагами, что часть заводов не могла почти совершенно работать. Они имели достаточное количество руды, могли бы работать крайне интенсивно, но отсутствие топлива ставило препятствия в этом отношении.

Заводы Урала по естественным условиям могут быть распределены следующим образом: заводы Вятской губ. (Холуницкий округ, Омутнинский, Золотнинский округ) обеспечены лесом, но лишены солидных недр. Заводы все невысокой производительности, имеют 5 домен, 8 пудлингов и 1 мартеновскую печь. Нормальная годовая производительность $1\frac{1}{2}$ мил. пудов чугуна и изделий.

Верхне-Камские заводы богаты лесом, бедны рудой. Все заводы (Лазаревские, Добрянские, Пожевские, Никитинские) слабые и устарелого оборудования. В группе имеется 5 домен, 6 мартенов, 10 пудлинговых печей, которые дают $2\frac{3}{4}$ мил. пудов чугуна и около $4\frac{1}{4}$ мил. пуд. готовых изделий (кровельного, сортового и котельного железа).

Средне-Камские заводы не имеют собственной руды, работают на привозном чугуне и выпускают изделия в готовом виде—артиллерийское и машинное литье (Пермский пушечный завод, Юго-Камские, Воткинские, Ижевские). Четвертую группу составляют заводы, тяготеющие к Богословскому горному округу. Они все богаты лесом и рудой. В их распоряжении 8 доменных печей и 10 мартеновских, которые дают 11 мил. пудов чугуна и столько же изделий в год.

К пятой группе Лысьвенского и Чусовского районов относятся заводы, слабо обеспеченные лесом и рудой. На них имеется 8 домен и 8 мартенов, которые изготовляют около 7 мил. пудов чугуна и 8 мил. пуд. изделий.

К шестой группе относятся заводы Гороблагодатско-Высокогорско-Алапаевского района. Они имеют огромные рудные запасы (около 7—8 миллиардов пудов разведанных руд), но слишком недостаточное количество лесов, которые обеспечивают существующее производство и не дают возможности увеличить его. Сюда относятся заводы Гороблагодатского, Тагильского, Алапаевского и Невьянского округов. Заводы имеют 26 домен и 14 мартеновских печей, дают около 16 мил. пуд. чугуна и $18\frac{1}{2}$ мил. пуд. изделий (сталь, сортовое железо, кровельное железо, рельсы и пр.).

К седьмой группе относятся заводы центрального Урала, расположенные вокруг Екатеринбурга. Заводы этой группы (Верх-Исетский, Сергино-Уфалейский, Сысертский, Шайтанский, Ревдинский, Кыштымский и пр.) устарелые, с слабыми запасами руды и леса. Они дают около $10\frac{1}{2}$ мил. п. чугуна и 10 мил. пуд. изделий.

К восьмой группе относятся заводы, работающие на чистейших высококачественных рудах Бакальского место-

рождения. Недостаток леса тормозит работу. Заводы хорошо оборудованы. К этой группе относятся следующие округа: Златоустовский, Катавский, Симский, Южно-Уральское О-во и пр. Заводы эти имеют 11 доменных печей, 10 мартенов и дают около $10\frac{1}{2}$ мил. пуд. чугуна и столько же изделий.

Наконец, к 9-й группе заводов Южного Урала относятся заводы горы Магнитной и Комаровского месторождения. Запасы руды огромны, но леса нет совершенно. Заводы хорошо оборудованы, но могут дать не больше 5 мил. чугуна и $3\frac{1}{2}$ мил. пуд. готовых изделий.

Богатейшими районами являются Высокогорский и горы Магнитной. Эти два района имеют около 16—18 миллиардов пудов руды. Это богатейшее месторождение, которое может обеспечить металлом всю Россию в течение почти пятидесяти лет.

В Высокогорском районе можно получать в год около 73 мил. п. металла и в районе Магнитной—94.000.000 пуд., т.-е. около 165 мил. пуд. металла, около $\frac{2}{3}$ того, что теперь дает производство всех заводов России.

Работа различных районов Урала характеризуется следующей таблицей.

Районы.	Имеется разведанных жел. руд. в пуд.	Лес.	Число			Общее нормальн. произв. (пудов).	Годовая выплавка чугуна на 1 дому (пуд.).
			Заводов.	Домен.	Март. печи		
Северо-Вятский	Приблизит. 100.000.000	В избытке.	7	5	1	1510000	310000
В.-Камский	230.000.000	Тоже.	6	5	6	4300000	550000
Н.-Камский	Нет.	Тоже.	6	6	12	7900000	—
Сев.-Уральский.	786.000.000	В избытке.	3	8	10	11000000	1350000
Лысвенский	180.000.000	Истощение.	7	8	8	8200000	800000
Высокогорский.	7.000.000.000	Без запаса.	18	26	14	18630000	611000
	Около	Сильное					
Центр.-Уральск.	400.000.000	истощение.	28	24	15	9800000	433000
Бакальский	2.400.000.000	Недостаток.	13	11	10	10400000	963000
	Более						
Ю.-Уральский . .	9.000.000.000	Очень мало.	8	10	4	3500000	490000
Итого..	—	—	96	97	80	—	5507000

Главным вопросом, с которым приходится сталкиваться при рассмотрении работы металлургических заводов Урала, является снабжение заводов топливом. Лесные массивы, тяготеющие к заводам, истреблены в значительной части, и приходится переходить на минеральное топливо.

Район Высокогорский и горы Магнитной может дать около 165 мил. пуд. чугуна; для выплавки и переработки этого чугуна требуется около 220 мил. пуд. угля. Этого угля не

может дать Россия и угольные копи Урала. Единственным возможным источником может быть только Кузнецкий район. Урал может интенсивно работать только в том случае, если произведено будет объединение Кузнецкого бассейна с Уралом.

Советская власть приступила к осуществлению Южно-и Северо-Сибирских углевозной магистрали, но внешние обстоятельства помешали осуществлению эти проектов. После занятия Урала красными войсками и освобождения Кузнецкого бассейна опять на очередь дня выдвигается вопрос о создании железной дороги, соединяющей этих два района. Осуществление этого проекта возможно лишь с течением времени (не менее 10 лет, по мнению авторитетных инженеров и специалистов), временно же придется работать на древесном топливе.

Запасов дров для будущего года не больше того количества, какое дает возможность выплавить около десяти миллионов пудов чугуна. В ближайшие годы, пока не удастся осуществить важнейших проектов о постройке углевозных линий, придется разрабатывать леса, концентрируя в одном месте заготовку дров, углежжение и пр. Для достижения значительных результатов необходимо улучшить и усилить механическую заготовку дров и перераспределить лесные дачи между заводами.

Благодаря нерациональной политике в прошлом, лесные дачи расположены крайне неудачно по отношению к заводам и горным округам.

Отдельные заводы вопреки естественному тяготению прикреплены к особым административным единицам, нарушающим экономические связи. При национализации заводов Урала в первую очередь было уничтожено искусственное деление на горные округа, сильно тормозившие работу, и было произведено перераспределение заводов по экономическим признакам. Управление национализированных заводов стремилось к восстановлению промышленной жизни, которая сильно пострадала за время, предшествующее октябрьской революции. Промышленники Урала в это время совершенно прекратили его финансирование, что не дало возможности выплачивать рабочим их заработков, а главное—затормозило дровяные заготовки.

Между тем для уральской промышленности заготовка дров является решающим вопросом. Почти 60—70% стоимости чугуна складывается из стоимости дров и гужевого перевозок.

Без крупных денежных средств нельзя было заготавливать дров и это обстоятельство подорвало уральскую промышленность на 1918 г. Период национализации и ломки всех отношений тоже сильно нарушил работу. Необходимо было изжить этот тяжелый период, который пришелся как раз на время заготовки дров. Пролетарские органы частично испра-

вили ошибку предшествующего периода, но время оказалось упущенным. В результате заводы не могли бы нормально работать, даже если бы не имели места военные события, которые в корне расшатали всю экономическую жизнь Урала.

После реставрации буржуазной власти заводы Урала могли работать лишь частично, так как у них не было дров, а заготовить их было уже слишком поздно. Бывшие владельцы заводов и после этого мало заботились о заготовке дров: они не слишком доверяли устойчивости своей власти и предпочитали не вкладывать новых сумм в производство и особенно в заготовки топлива, которые могут быть реализованы не раньше 2—2 1/2 лет.

Если прежние владельцы и могли работать, заняв Урал, то исключительно только потому, что рабочие Урала заготавливали дрова, отрывая часть своего заработка и тратя его на лесные работы. Все отчеты горных округов, относящиеся к началу 1918 г., свидетельствуют о том, что рабочие очень часто отказывались от заработка, иногда даже в размере 3/4 его, и все деньги отдавали на заготовку дров. Благодаря этим усилиям рабочих были заготовлены дрова, которые и дали возможность работать Уралу до прихода белых и отчасти даже после реставрации буржуазных отношений.

д) У г о л ь.

Как мы видели, для уральской промышленности центральным вопросом является топливо. Урал слишком недостаточно обеспечен углем, который к тому же оказывается невысокого качества. Он не может быть использован для металлургической промышленности.

Участие Урала в обще-российской добыче угля сравнительно ничтожно: действительно, в 1913 году Донецкий бассейн дал 70% всего добытого угля, Домбровский — 19%, Подмосковский — 5,88% и Урал — 3,33%. Урал в годы, предшествующие войне, давал от 75 до 85 мил. пуд. угля.

Разумеется, это количество угля, даже если бы это был и коксующийся уголь, не могло бы обеспечить работы даже незначительной части промышленности Урала.

Добыча угля на Урале все время играла лишь подсобную роль в металлургической промышленности. Урал не мог развиваться также и потому, что не имел собственного угля.

О работе отдельных каменноугольных предприятий Урала дает представление следующая сводная таблица, относящаяся к 1913—14 г. г.

Название копей.	Добыча в тыс. п.		Число рабочих.	
	1913	1914	1913	1914
Луньевские	9.412	8.506	893	827
Кизеловские	38.850	49.547	3.084	4.467
„ нас. Демидова	1.366	960	224	145
Верх-Губахинские	436	661	121	131
Баские	1.014	909	146	104
Усьвенские	2.691	2.158	343	326
Богословские	11.272	14.532	1.351	1.266
Екатеринские	5.695	3.959	586	517

Остальной уголь добывался на прочих рудниках с добычей не свыше миллиона пудов в год на каждом. Общее количество горно-рабочих на шахтах Урала составляло около 8 1/2 тыс. человек к 1914 г., и на этом уровне оно продержалось почти всю войну.

Каменноугольные месторождения имеются на обоих склонах Урала, при чем месторождения западного склона по своим качествам очень близки к подмосковному углю и довольно богаты (Кизеловские, Луньевские, Губахинские и пр.), напротив, месторождения восточного склона сравнительно бедны углем и не имеют серьезного значения для государства.

Рассмотренные выше районы усилили свою работу в течение войны: Кизеловский район довел добычу до 70 мил. пудов, т.-е. почти ее удвоил. В дальнейшем, особенно в 1916—1918 г., имело место сильное падение его добычи.

Производство отдельных районов за время с октября 1917 г. по июль—август 1918 года понизилось для:

Кизеловского района	53%
Луньевского „	40%
Успенского „	61%
Баскаковского „	67%

Средняя месячная добыча колебалась между 1.200.000—1.300.000 пудов.

Буроугольные копи Богословского округа давали в среднем около 16—20 мил. пудов в год. Максимальная выработка падает на 1916 год, когда они дали 24 мил. пуд. В 1917 г. добыча превысила 20 мил. п., а в 1918 г. она уменьшилась на 18—20%. За время господства белых и особенно при их отступлении копи Урала могли быть затоплены водою, но эта опасность не угрожала Богословским рудникам, ведущим открытые работы на поверхности. Они могут сразу же приступить к работе и дать в ближайшем будущем не меньше 30—35 мил. пуд. в г.

Остальные районы Урала сравнительно беднее углем. Обычная их производительность была невысокой, а теперь, в связи с военными событиями, она стала еще меньше.

Так, годовая добыча:

Тугайкульского района . . . 24 мил. пуд.

Егоршанского . . . 15 " "

Полтав-Брединского . . . 8 " "

Даже при значительном напряжении сил эти районы могут дать очень мало для промышленности. Они могут играть известную роль, служа подспорьем в работе, но сами они не могут обслужить промышленности.

е) Металлургические заводы после белых.

В настоящее время центр тяжести всей работы лежит в рационально поставленном лесном хозяйстве. Процент лесистости Урала высок, но нерациональное хозяйничанье свело уже слишком много лесов. Они постепенно истощаются и это понижает темп работы металлургической промышленности.

Как мы уже видели, предприятия Урала в наиболее богатых рудой местах не могут усилить своей работы из-за недостатка леса.

Временно Уралу придется изыскивать средства для того, чтобы продержаться, обращая все внимание на заготовку топлива, механизацию его заготовки и транспорта, концентрацию углежжения и пр. Это значит, что первое время работу придется вести по старому шаблону, истребляя леса, как это делалось раньше, затрачивая огромные капиталы на дровяные заготовки и пр.

В промышленности резких скачков не должно быть, так как они могут нарушить и даже разрушить всю работу. Советская власть естественно не может сделать резкого перехода с дров на другие виды топлива.

Одним из первых шагов, после восстановления Советской власти на Урале, было ассигнование значительных сумм Гублесам для заготовки дров и древесного угля.

Металлургические заводы Урала сильно пострадали. До прихода колчаковцев Советские органы пытались эвакуировать станки, машины и наиболее ценные материалы. Некоторые заводы эвакуировались таким образом 2—3, а иногда и более раз. В результате они все оказались в довольно затруднительном положении.

Однако, нельзя даже сравнивать разрушения, причиненного этой эвакуацией, с тем, что сделали белые с уральскими заводами. С многих из них (Лысьвенский, Златоустовской и пр.) увезены были целые поезда с машинами,

орудиями, материалами и пр. В некоторых взорваны машины, прокатные станы, электрические установки и пр. Часто белые, не будучи в состоянии увезти всего с заводов и передать в тыл своей армии из-за разрухи транспорта, сжигали целые составы, напр., с Мысевенского завода. Белые разрушали заводы, насколько это позволяли все имеющиеся в их распоряжении средства.

При эвакуации рабочим приходилось отстаивать заводское добро от уничтожения. Под угрозой расстрела уральские рабочие отказывались грузить машины и станки, снимать ремни, арматуру и пр. Колчаковцам приходилось все время приводить для этой цели инженерные войска, которые и занимались уничтожением промышленности, созданной веками упорного труда.

Хотя уральская промышленность и является отсталой по сравнению с Донецким бассейном, тем не менее она представляет колоссальную ценность, с которой необходимо бережно обращаться. Ей нанесены тяжелые удары гражданской войной и особенно захватом Урала колчаковской армией, но эта промышленность жива и может сравнительно быстро залечить свои раны.

Известия, поступающие с Урала, рисуют картину быстрого восстановления технической и промышленной работы.

В несколько дней после занятия Златоуста Красной армией громадный златоустовский оружейный завод был пущен в ход, и этот успех Советской работы был встречен с энтузиазмом широкими рабочими массами в Златоусте, округе и во всем Урале.

В течение $1\frac{1}{2}$ —2 месяцев работа того же златоустовского завода восстановилась почти полностью благодаря энергии и самоотверженности его рабочих масс. Таких примеров из жизни красного Урала можно привести очень много. Уральские заводы начинают оживать. Они прежде всего приступили к заготовке дров, так как без них невозможна всякая работа.

При белых рабочие сильно понизили производительность труда, и никакие угрозы не могли их заставить работать интенсивнее.

В это время производительность труда упала в среднем на 50% по сравнению с 1917 г. и началом 1918. Из 75 чугунно-литейных заводов работало только 15, т.-е. меньше 20%, из 46 терракотовых заводов работало только 30. Медные рудники и заводы не работали совершенно, золото в казну не поступало, т.-е. на Урале имел место развал промышленной и технической жизни, крайне опасный. Устранить быстро последствия хозяйничанья белых будет не легко, наладить жизнь заводов и промышленных предприятий можно будет не скоро.

Несмотря на все препятствия, жизнь все же налаживается: на заводы собираются рабочие, которые были разогнаны бе-

лыми. Они разыскивают станки и машины, увезенные по различным направлениям и пр. Временно все внимание концентрируется на дровяных заготовках, которые крайне затруднены из-за отсутствия денег, материалов и лошадей.

Военные события забрали громадное количество лошадей и это обстоятельство сильно тормозит все перевозки и мешает снабжению заводов дровами, древесным углем и рудой.

Областное Управление заводов Урала рассчитывало в 1918 году, по данным тов. Сыромолотова, добыть и приготовить следующие количества продуктов:

руд железных	50	млн. пуд.
чугуна	33	" "
железа кровельного	6	" "
" стали полупр.	37	" "
рельс	4	" "
золота	76	п.
платины	103	п.
меди	600.000	п.
угля	100	млн. пудов.

Внешние обстоятельства сложились весьма неблагоприятно, и эта программа была выполнена лишь в ничтожной доле. Белым тоже не удалось наладить работы, особенно из-за нежелания рабочих подчиняться старым хозяевам, из-за отсутствия рабочих, и, наконец, из-за недостатка дров и угля.

К моменту освобождения Урала от белых на заводах оказались значительные запасы металла, около 10—15 млн. пуд. (чугун, кровельное железо, сортовое, сталь, рельсы и пр.). К осени и особенно к зиме 1919 года Советская Россия начала испытывать значительные затруднения с металлами. Запасы Урала, открывшиеся перед нею, являются серьезнейшей помощью в той борьбе, которую ей приходится вести за существование. Эти запасы могут быть использованы как для военных целей, так и для работы промышленности.

Однако, эти запасы Урала могут играть лишь относительную роль в общем экономическом хозяйстве России. Гораздо важнее в этом отношении работа металлургических заводов. Она оказывается возможной, но темп ее зависит от снабжения дровами и древесным углем.

Отделом Металла В. С. И. Х. составлена производственная программа на октябрь—декабрь 1919 г., которая базировалась на данных, имеющихся в Отделе о фактическом состоянии заводов, снабжении их рабочей силой, необходимыми материалами, продуктами и пр.

Согласно программе предполагалось изготовить 3.511.200 пуд. чугуна, 4.407.250 пуд. мартеновского железа и 4.278.000 пуд. прокатных изделий. Между тем те же заводы при условии снабжения их дровами, материалами и продовольствием могли

бы изготовить 14 м. пудов чугуна, 13 м. пудов мартеновского железа и 11 м. пудов прокатных изделий.

Таким образом $\frac{0}{10}$ -ное отношение производственной программы к нормальной производительности выражается для чугуна в 21,5 $\frac{0}{10}$, мартеновского железа в 33,9 $\frac{0}{10}$ и прокатных изделий—38,9 $\frac{0}{10}$.

Уральские заводы, по всей вероятности, будут работать в ближайший промежуток времени не более, как на $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ их нормальной производительности. В этом отношении сказываются и недостаток запасов, и разрушение заводов, и неполная заготовка руд, и целый ряд других причин.

После освобождения Урала от белых немедленно было приступлено к самой энергичной и интенсивной работе по добыче руды, так как снабжение сырьем является столь же важным, как и дровяные заготовки.

С осени 1919 г. оказалось возможным пустить в ход не больше четверти доменных печей, однако, при недостаточно интенсивной работе рудников количество работающих домен может еще сократиться.

ж) С о л ь .

Следующим богатством Урала, которое необходимо тоже рационально использовать для страны, является соль. Страна испытывает острый соляной кризис. Деревня положительно задыхается без соли, которая выдается в крайне ограниченных размерах. Объясняется это тем, что все важнейшие месторождения соли в процессе гражданской войны оказались отрезанными от Советской России.

До войны добыча соли представлялась в следующем виде:

Добыча соли в мил. пудов.

	Выварен.	Каменной.	Самосадоч.	Всего.
1914	31,2	32,6	54,2	118,0
1913	32,5	34,0	55,4	121,9

В последующие годы добыча изменялась, колебалась под влиянием различных факторов, и цифры не являются уже столь характерными, как до войны в 1913—14 году.

По районам добыча соли представляется в следующем виде:

Добыча повар. соли в тыс. пудов:

	1913	1914
Крым	18,450	15,863
Астрахань	30,573	30,838
Донецкий бассейн.	39,015	38,013
Одесса	2,046	1,773

Пермск. губ.	21,626	19,313
Оренбург	2,955	3,600
Зап. Сибирь	1,172	2,044
Прочие	3,036	2,673

Таким образом Пермская губ. на Урале давала нормально около $\frac{1}{6}$ части российской добычи.

Запасы соли на Урале довольно значительны, но выварка ее требует больших затрат на топливо, и потому пермская соль никогда не выдерживала конкуренции с другими районами, которые работали успешнее и дешевле.

Солеваренные заводы Пермской губернии работают на дровах и в незначительной части на угле. Общий расход топлива на пермских солеваренных заводах составлял до войны около 64 тыс. куб. саж. дров и около 3,5—4 мил. пуд. угля. Стоимость топлива удорожала на 50% стоимость соли, и этим объясняется невозможность ее конкуренции с другими районами России.

В отношении доставки в центр пермская соль расположена крайне удобно: около 90—95% ее может быть сплавлено по Каме, что разгружает железные дороги от перевозок.

з) Уральский пролетариат. и) Продовольствие.

В продовольственном отношении Урал расположен очень удобно: он окружен со всех сторон богатыми хлебными губерниями со значительным излишком продовольственных продуктов, позволяющим прокормить промышленное фабричное население.

И собственно уральские губернии, и Поволжье, и ближайшие губернии Западной Сибири — все богаты хлебом. Действительно, излишек хлеба на душу населения, за вычетом посева, составляет в среднем не меньше 15—20 пуд.; напр., в Оренбургской губ. — 20,0 пуд., Пермской — 17,0 п., Самарской — 37,9 п., Саратовской — 22,6 п., Уральской — 22,8 п., Тургайской — 19,0 п. и т. д.

Эти излишки при правильной работе транспорта могут прокормить все пролетарское население Урала. Продовольственная политика, имеющая целью снабдить в первую очередь население Урала из ближайших сибирских и поволжских губерний, поможет справиться с важнейшими затруднениями, встающими на пути восстановления промышленности.

Уральский пролетариат отличается некоторыми бытовыми особенностями. Урал — старинный промышленный центр.

Он обладает пролетариатом, веками сросшимся с фабриками и промышленными предприятиями. Рабочие Урала выросли и воспитались в этих условиях. Часть из них имеет собственные домики, клочки земли, домашнюю утварь и скот.

Если рабочие других районов сравнительно легко могут порвать связь с фабрикой и заводом, если донецкий пролетариат отличается известной текучестью, то нельзя этого сказать об уральцах.

Согласно статистическим данным, за последние два года из Петербурга ушло около 60—65% всех его рабочих, из Москвы около 35—45%. Такого стремительного отлива рабочих ни в каком случае не может быть на Урале.

Он вынес крайне тяжелые удары гражданской войны. По его территории прошла колчаковская армия, которая разбросала пролетариат по различным направлениям.

Массу рабочих наиболее стойких и искушенных забрала Красная армия; оставшиеся пострадали от белого террора. Многие сотни и тысячи уральских рабочих оторвались от своих заводов и жилищ и ушли в Поволжье и в глубь России. Однако, они не порвали своей связи с Уралом и вернутся снова на свои места.

Урал сильно пострадал от войны: количество его рабочих, особенно квалифицированных, сократилось на 40—50%, однако, он может быстро возродиться и ожить.

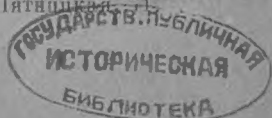
Хозяйственные органы Советской власти требуют его работы. Они должны дать немедленно кадр специалистов, техников и рабочих, которые примутся за организацию пролетариата и возрождение уральской промышленности на новых основаниях.

Естественные богатства Урала колоссальны. Он может работать и стать одной из главных основ промышленности.

Урал является таким местом, где должна будет развиваться тяжелая индустрия. Для этого необходимо объединение его с Кузнецким бассейном и интенсивная работа всего уральского пролетариата.

И своим прошлым и настоящим этот пролетариат доказывает, что он способен для такой работы, что для нее он достаточно подготовлен. Дело Урала и уральской промышленности находится в надежных руках, и за его будущее можно быть спокойными.

Урал будет одной из основ промышленности и в Советской России. Его рабочие выполняют свой революционный долг по отношению к пролетарской России и не допустят, чтобы какое-либо из ее богатств не было использовано для общего дела строительства новой жизни.

Цена 5 р.

Никем из книгопродавцев указанная на книге
цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

1920 г.